

ВЫДАЮЩИЙСЯ ДЕЯТЕЛЬ

О ГРОМНЫ и неоспоримы заслуги Эдуарда Францевича Направника перед русским оперным искусством. Чех по рождению, он более полувека своей жизни отдал России, беззаветному служению интересам ее культуры. Он осуществлял постановку на русской сцене около восьмидесяти опер, из них — более половины русских. Именно он сумел по-настоящему раскрыть впервые всю глубину и значение «Руслана и Людмилы» Глинки. Он пропагандировал сочинения Даргомыжского, Чайковского, тщательно и мастерски ставил все оперы театрального репертуара. Направник создал прочные и плодотворные традиции исполнения классических опер, очистил репертуар Мариинского театра от случайных, малохудожественных сочинений. Своим неустанным, самоотверженным и уникальным по достигнутым результатам трудом он сумел поднять вливающий жалкое существование театр на уровень лучших оперных сцен мира.

Направник подготовил себе смену — великолепных, высокопрофессиональных оперных дирижеров. Он стоял у колыбели первого русского симфонического оркестра — Придаурного музыкального хора, который, сделавшись первым заслуженным коллективом России, также занял почетное место среди лучших симфонических оркестров нашей планеты.

Главным делом жизни Направника, безусловно, был Мариинский театр. Его история, славная двухсотлетняя история театра, ныне Ленинградского академического театра оперы и балета имени С. М. Кирова, неразрывно связана с именем Направника, которого помнят и свято чтут в стенах этого одного из старейших театральных учреждений нашей страны.

Заслуживает уважения и композиторское наследие Направника, среди которого опера «Дубровский» и по сию пору пользуется любовью слушателей, а многие другие страницы творчества достойны того, чтобы быть возвращенными на концертную эстраду.

Своим беззаветным, самоотверженным творческим трудом Направник вписал яркую страницу в историю межкультурных связей, внес значительный вклад в дело укрепления дружбы и родственных чувств между русским и чешскими народами. Имя Направника

— одного из выдающихся деятелей русской культуры XIX века, одного из великих сынов Чехии — никогда не будет забыто.

...ОБРАТИМСЯ К ВОСПОМИНАНИЯМ тех, кто слушал музыку под его управлением или даже участвовал в ее исполнении.

Музыковед В. Музалевский, поступивший в Петербургскую консерваторию в 1912 году, слышал «Ивана Сусанина» в 1913-м, когда исполнилось пятьдесят лет работы Направника в Мариинском театре. Он вспоминал: «Прочитав в программе фамилию прославленного дирижера, я ожидал увидеть во главе оркестра Мариинского театра некую импозантную, внушительную фигуру. Меня постигло полное разочарование: за пультом оказался небольшого роста слегка согбенный старичок, внешний облик которого не сулил радужных переживаний. С тех пор мне не приходилось видеть столь лаконичных, спокойных взмахов дирижерских рук. Короткие, размеренные движения, почти незаметные публике, заключали в себе весь огонь музыкальной натуры выдающегося мастера оркестра.

Направник вообще не столько пользовался дирижерскими приемами, сколько многозначительно поглядывал на оркестр сквозь пенсне, прикрепленное на длинном шнурке к его фракному костюму. Оказывается, этого было достаточно для художественного претворения глинкинской партитуры, точно, в мельчайших деталях переданной хором, оркестром, солистами. Тут-то и сказывалась сила художественного воздействия при неповторимой скупости гипнотизирующего жеста Направника-дирижера!»

Все слышавшие Направника отмечали его строгий, скупой жест. Ничего лишнего, ничего показного, обращающего на себя внимание. Некоторые считали его слишком сухим. Трудно судить, насколько это справедливо. Есть и отзывы, свидетельствующие о том, что под его управлением исполнение было близко к идеальному, а значит сухостью не отличалось...

Свою задачу Направник видел в наиболее точном, объективном воплощении замысла композитора. Тщательно изучал партитуру, создавал продуманный и логичный общий план исполнения, в котором благодаря тщательнейшей проработке деталей не было места случайностям.

Консервативный по своим взглядам и вкусам, он был консервативен и в технических моментах. Так, несколько десятков лет он дирижировал, сидя у самой рампы, то есть певцы находились у него прямо перед глазами, а оркестр за спиной. Изменил он этому правилу лишь во время постановки «Кольца Нибелунгов», когда оказалось, что видеть оркестр еще более необходимо, чем певцов, — настолько сложна оркестровая партия вагнеровской тетралогии. Ранее никто не мог его убедить сменить место. Правда, и сидя спиной к оркестру, Направник прекрасно знал, что там происходит. Иногда во время спектакля, заметив в оркестре что-то неладное, Эдуард Францевич мог позволить себе вовсе перестать дирижировать: он поворачивался к виновным лицом и смотрел на них. Этого оказалось достаточно чтобы восстановить порядок. А спектакль шел своим чередом, несмотря на отвращение дирижера. И Направник был вполне уверен, что все пройдет как надо: настолько сильна была его духовная связь со всеми исполнителями.

Знал он их превосходно. Знал характер каждого. Знал, каким способом может добиться максимальной отдачи. С одним был строг, с другим неизменно терпелив, за кем-то устанавливал незаметный, но непрерывный надзор, так как знал, что это человек неустойчивый и может сорваться. Но неизменно щадил самолюбие даже самых провинившихся. Все виды морального воздействия, применялись только с глазу на глаз и происходили «под лестницей», в укромном местечке, в котором никто не мог помешать или сделаться свидетелем неприятных объяснений.

Направник мог позволить себе дирижировать очень экономно, а порою и вовсе не дирижировать (бывали и такие случаи, когда он доверял исполнение коллективу, не дирижируя, а только наблюдая), потому что абсолютно все было сделано на репетициях. Работал он удивительно тщательно, всегда ставил четкие задачи и неукоснительно выполнял их.

Благодаря тому, что ни одна минута репетиционного времени не проходила впустую, произведение выучивалось исполнителями так, что потом много лет спустя они могли исполнять его без репетиций. Исполнять так, как будто только что выучили. Это относилось даже к таким сложным спектаклям, как, например, «Лоэнгрин» или «Валькирия» Вагнера.

Так что педагогом Направник был самого высокого класса. Однако быть им он мог как благодаря личным, человеческим качествам, так и благодаря феноменальной музыкальной одаренности. Репетиционная работа оказывалась особенно продуктивной из-за того, что его острый слух, уникальный слух позволял очень быстро пройти корректурный период — самый неприятный для оркестра, когда приходится заниматься не исполнительскими задачами, а выявлением ошибок переписчиков, иногда и самого композитора.

Как отмечали буквально все современники, Направник виртуозно схватывал ошибки. Еще и поэтому время, затрачиваемое на подготовку новой оперы, сокращалось весьма существенно. Так «Валькирия», например, была поставлена им за 15 репетиций. В

КУЛЬТУРЫ

московском Большом театре в 1902 году этот спектакль потребовал 23 репетиции. «Гибель богов» в Петербурге пошла после 12 репетиций, в Москве — после сорока одной.

...О чувстве ритма Направника рассказывали чудеса. Только он мог добиться от оркестра идеально синхронного звучания, такого, как будто звучит единый многоголосый инструмент, какой-то волшебный орган. Вот еще одно свидетельство: «Из всех дирижеров, выступавших в протяжении почти 40 лет в симфонических собраниях императорского Русского музыкального общества, Направник отличался наибольшим артистическим спокойствием, уверенностью, присутствием духа и умением вести оркестр согласно своим намерениям. Ансамбль у него всегда был удивительный, как бы сосредоточенный в его магической дирижерской палочке. Струнный квартет играл всегда под его управлением с поразительной звуковой точностью, как один человек, вдохновенный одной мыслью. Нам никогда не приходилось слышать фальшивых или преждевременных вступлений. Каждый артист в оркестре знал, что в исключительно трудных и ответственных местах дирижер его не оставит без внимания... А. Г. Рубинштейн удивлялся и восхищался всегда дирижерским талантом Направника и часто говорил: «Я этого не умею, у меня этих способностей нет!»

Не только артисты оркестра могли всегда рассчитывать на помощь дирижера. Уверенно себя чувствовали с ним и певцы.

Умение не растеряться, изйти из любой ситуации, абсолютное самообладание Направник считал естественным и необходимым качеством дирижера. В высшей степени обладал им сам, воспитывал его в молодых коллегах. Если же его нет, — доказывал Эдуард Францевич, — человеку нечего делать в театре.

В книге «Из прошлого русской оперы» видный советский дирижер Д. И. Похитонов рассказывает: «Драгоценным качеством Направника-дирижера было поразительное самообладание за пультом. А ведь бывали моменты катастрофические, когда менее выдержанный дирижер наверное отказался бы продолжать спектакль. Но не в правилах Направника было растеряться. Из всех дирижеров, руководивших при мне спектаклями Мариинского театра, самым спокойным был Направник. Его твердая рука и железный ритм необычайно облегчали и мою работу за кулисами (Похитонов начинал свою деятельность в театре в качестве репетитора и хормейстера). Это спокойное самообладание отнюдь не означало отсутствия у Направника темперамента... Даже семидесяти лет он с увлечением, присущим юности, проводил спектакли любимых им опер «Руслан и Людмила», «Пиковая дама», «Евгений Онегин», «Гугеноты» и других, далеко не легких по дирижерской технике...»

...В театре Направник обладал авторитетом громадным и непрекращаемым. Авторитетом, который основывался не просто на положении первого капельмейстера, и даже не только на блестящих, редкостных профессиональных качествах, но определялся всем обликом этого человека.

«Был ли Направник «начальством»? Был, несомненно был. Об этом красноречиво говори

блестящий период его 50-летнего художественного руководства оперой Мариинского театра. Но это был начальник, учитель и человек. Он не выносил лакейства, отвратительного театрального лакейства, низкопоклонства, приправленного подобию страстным обращением «дорогой маэстро», равносильным чиновничьему «ваше превосходительство»; к нему все обращались просто: Эдуард Францевич.

Этот человек снискал себе всеобщую любовь и уважение тем, что у него на первом месте было дело, которому он отдал все свои знания, и бескорыстная работа о своих соратниках по искусству, не зная разницы между «большими» и «малыми». Разве можно было бояться этого человека? Можно было только уважать его, преклоняться перед ним, работать с ним не за страх, а за совесть.

Так писал о великом дирижере Похитонов, начинавший под его руководством свою многолетнюю разностороннюю деятельность в оперном театре...

...Держит себя Направник со всеми просто, доступно, даже деликатно. Если на репетиции приходится делать замечания, он облекает их в самую мягкую форму. Но иногда может и высесть. Так знаменитому Фигнеру, который, желая блеснуть верхней нотой, попросил сделать фермату в военном марше одной из репертуарных опер, спокойно сказал: «А что будет с солдатами? Им придется стоять на одной ноге, пока вы будете держать фермату!»

...Отдельного кабинета у него в театре нет. Шубу свою он вешает в общей комнате, где помещаются и режиссерское управление, и музыкальная библиотека, где собираются артисты перед репетицией. Здесь же все пьют чай в перерыве. Направнику чай подают с молоком и сухариком. Он шутит, принимает участие в общем веселье, в праздниках артистов. Например, ко дню рождения певицы М. А. Славинной подносит шуточный мадригал...

И рядом с этими чертами живет, главенствует надо всем гигантская, поражающая сила воли. Сила, которая позволяет не только управлять огромным коллективом театра, добываясь от него блестящих творческих результатов, но и безукоризненно во всех случаях жизни владеть собою — переносить внешне невозмутимо многочисленные неприятности, доставляемые и начальством, и некоторой частью недругов — музыкантов, обиженных его принципиальной позицией; преодолевать страдания, с каждым годом все более тяжкие...

...Иногда, чтобы показать свое доверие коллективу, он отменяет репетицию перед спектаклем, говоря, что уверен в своих коллегах, что опера прекрасно выучена, и все пойдет как надо. И не было случая, чтобы его подвели.

Такое отношение в театре Направнику дороже всех почестей, которые выпадают на его долю. А они в конце 80-х годов выражались в пожаловании еще одного ордена и возведении в потомственное российское дворянство. Направника и его детей вписывают в третью часть Российской дворянской родословной книги. Он получает собственный герб — стилизованная арфа на щите, обрамленном ветвями и увенчанном короной; внизу на ленте девиз: «Трудом и искусством». Формулировка его весьма удачна. Действительно, какие слова могут точнее определить всю жизнь этого великого труженика и величайшего мастера искусства?

[Из книги Л. В. Михеевой «ЭДУАРД ФРАНЦЕВИЧ НАПРАВНИК»]